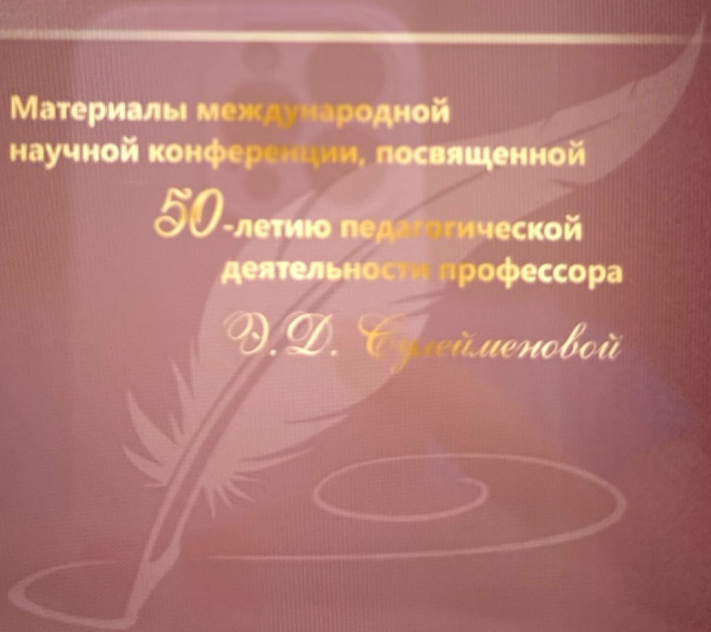

ГОРИЗОНТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ТРЕНДЫ И НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Материалы международной
научной конференции, посвященной

50-летию педагогической
деятельности профессора

В.Д. Ефреминой

6. Ковшова М.Л. К вопросу об аксиологической модальности загадок: что на свете всех милее? // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Международной научной конференции. — Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. — С. 29-33.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2001. — 194 с.
8. Миллер О.Ф. Опыт исторического обозрения русской словесности. Ч.1. — СПб: Типография И.А. Горчакова, 1863. — 117 с.
9. Садовников Д.Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. — М.: Современный писатель, 1995. — 400 с.
10. Сендерович С.Я. Морфология загадки. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 207 с.

Словари и справочники

- СРЯ: Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1986. — 797 с.
- ТСЖВЯ: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. — Т.1. — М.: Русский язык, 1978. — 699 с.
- ЭСРЯ: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. — Т.1. — М.: Прогресс, 1987. — 576 с.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

И.Н. Кузнецова

Казахстанский филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

В данной статье рассмотрены проблемы формирования концептосферы политического дискурса, проанализированы характерные особенности данного явления в условиях глобализации речи политиков. Автор представляет в статье характеристику понятия «концепт», выявляет и обосновывает необходимость концептуального анализа речевого взаимодействия.

This article discusses the problems of the formation of the sphere of concept of political discourse, analyzes the characteristic features of this phenomenon in the context of the globalization of speech of politicians. The author presents in the article a description of the concept "concept", identifies and justifies the need for a conceptual analysis of speech interaction.

Исследования последних десятилетий направлены на развитие когнитивной лингвистики в рамках межкультурной коммуникации и на когнитивные модели изучения языка, ориентированные на концепт. В центре внимания выступает языковая личность, ментальная структура, концептуальное пространство или концептосфера и концепт. Наиболее актуальной задачей современной когнитивной лингвистики в отношении политического дискурса является анализ концептов мира политики с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода, что помогает понять специфику организации политического дискурса, так

как «всё более очевидной становится взаимосвязь языка и общества: с одной стороны язык испытывает влияние его носителей, с другой — язык оказывается важнейшим инструментом категоризации, и тем самым — понимания политических феноменов» [1: 5].

Концепт трактуют не только как единицу ментальных репрезентаций, но и как комплексное интегрирующее взаимодействие сознания, языка и культуры, как единицу концептосферы дискурса говорящего/слушающего, что подчёркивает его динамичный характер и его дискурсивно-коммуникативную обусловленность, но и включают так же описательно-классификационные, чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики. Другими словами, концепт — это «свёрнутая» модель дискурса или его составляющей части, содержащий все возможные потенциальные реализации, интегративный элемент сознания, восприятия культуры и языковой системы в целом. В.З. Демьянков отмечает: «Дискурс ... концентрируется вокруг некоего опорного концепта; создаёт общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена и поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развёртывания дискурса» [2: 90]. Номенклатура концептов, подбор языковых структур интенционально осуществляется посредством коммуникативно-когнитивного пространства текста/дискурса.

В основе концептуального анализа лежит моделирование. Е.А. Селиванова подчёркивает, что «когнитивная теория дискурса рассматривается в качестве первоочередной задачи создания ментального прообраза всего информационного пространства коммуникативной ситуации» [3: 336].

Такой вид концепта появляется в процессе речевого взаимодействия и представлен в виде вербальных единиц (словоформ, высказывания и т.д.), что обеспечивает «концептуальную» основу общения в качестве вспомогательного элемента.

Так как, например, сущность политики усматривается, прежде всего, во властных отношениях, а политический дискурс выступает основным инструментом в борьбе за власть, то концепт «власть — power», ядро концептосферы политического дискурса представлен следующими лексемами: *abuse of authority, constitution, democracy, establishment, liberty, majority power, national project, political elite, powers that be, president, politician, political reality, power, state power, supreme authority, etc.*

Следующим основным концептом политической концептосферы, по нашему мнению, следует считать концепт «демократия — democra-

су» с определённым набором ЛЕ, представляющих концептосферу настоящего концепта: *all-round development of democracy, boost towards democracy, broad democracy, freedom, freedom of religion, freedom of speech, equal rights, liberty, etc.*

Подбор лексем, в качестве составляющих того или иного концепта конкретной концептосферы осуществляется носителем языка неосознанно, в виду постоянного употребления их в СМИ и бытовом языке, что помогает правильно выразить свою мысль, быть понятым и понять собеседника, либо речь политического лидера.

Политическая власть в значительной степени осуществляется посредством языка, который помогает политику войти в личностную сферу реципиента как с помощью простых приемов (частое употребление местоимения «мы» (вместо «я»), выбор языка (в условиях билингвизма), так и более сложных приемов манипуляции (языковая игра и др.). Под манипуляцией мы понимаем процесс навязывания населению взглядов, мнений, способов действий, которые адресант может считать заведомо ложными, но выгодными для себя; это связано с использованием специальных приемов, направленных на понижение критического мышления со стороны реципиентов. Причем власть языка используется в любых обществах. Так, в условиях диктатуры язык является даже более необходимым средством тотального контроля над обществом, чем, например, спецслужбы. При сильном демократическом обществе умелое использование языка активно формирует нужное власти общественное мнение, т.е. также является важным средством завоевания и удержания власти [4: 433].

Политический дискурс играет важную роль во время проведения различных мероприятий политического характера, таких как: саммиты, конференции, симпозиумы, предвыборные компании и т.д. Он способен интегрировать действия разных факторов воздействуя на поведение масс, организовывать это влияние и подчинять своим интересам. Политический дискурс выступает в роли некоего вектора, способного собрать в один пучок поведенческие реакции и направить их в нужное русло.

Речь политика должна уметь затронуть нужную струну в массовом сознании, его высказывания должны укладываться во «вселенную» мнений и оценок (то есть, во все множество внутренних миров) его адресатов, «потребителей» политического дискурса. Поэтому умелый политик оперирует символами, архетипами и ритуалами, созвучными массовому сознанию. Характерной особенностью русских политических речей является широкое употребление метафор, которые построены, преимущественно на военной и «больничной» лексике:

битва за избирателя, информационная война, атака на демократию, дипломатические битвы; шоковая терапия, общество находится на пути к выздоровлению, правительственный кризис.

Речь политика не всегда аргументирована и логически связна, и это неслучайно. Иногда достаточно просто дать понять, что позиция, в пользу которой выступает говорящий, лежит в интересах адресата. Защищая эти интересы, можно еще воздействовать на эмоции, играть на чувстве долга, на других моральных установках. Еще более хитрый ход — умелое использование едва заметно соприкасающихся понятий в когнитивной сфере человека. Это и дает неожиданный эффект: совершаются незаметные переходы от одних убеждений к другим, иногда вопреки ожиданиям самого говорящего.

Успех внушения во многом зависит, от качеств личности того, к кому обращена речь, например, от степени его доверчивости (так, существует патологическая доверчивость на одном полюсе и патологическая подозрительность на другом). Изменить установки адресата в нужную сторону можно, в частности, манипулируя ее композицией, например, поместив защищаемое положение в нужное место дискурса.

Подводя итог сказанному, нужно отметить, что власть языка противоречива. С одной стороны, она, казалось бы, должна быть очевидна любому мыслящему человеку. Ни для кого не секрет, что споры, которые разворачиваются в политике по поводу слов, иногда бывают не менее острыми, чем споры по поводу дел. Например, если сравнить борьбу российских политиков со словом «доллар». Или освещение в СМИ военных действий в Чечне. В дискурсе ряда СМИ те, кто называл воюющих с федеральными силами чеченцев не *террористами* или *сепаратистами*, а *повстанцами*, а сами военные действия не *контртеррористической операцией*, а *войной*, представлялись «чужими», которые были немногим лучше террористов.

Но с другой стороны, для того, чтобы политики могли влиять на общество посредством языка, большинство населения не должно осознавать роль языка в полной мере. При этом даже сами политики не всегда признают главнейшую роль языка в политическом дискурсе. Некоторые из них это делают намеренно, а большинство просто не осознает власть языка, а считает язык всего лишь колебаниями воздуха, репрезентацией реальности, в то время как сам язык являет собой реальность.

Литература:

1. Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. — М.: 2004.

2. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. — Вып. 1 (24). — Екатеринбург, 2008. — С. 43–48.
3. Демьянков В. 3. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюз. центр переводов. Тетради новых терминов, 39. — М., 1982. — Вып. 2. — С. 90–97.
4. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. — К.: ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. — 336 с.

SCIENTIFIC APPROACHES TO THE FORMATION OF A MULTILINGUAL PERSONALITY

B.N. Naubay

Al-Farabi Kazakh National University

The article discusses the current problems of the development of multilingual education in a multicultural environment and the global scientific and regulatory framework on which the language policy of the Republic of Kazakhstan is based.

В статье рассматриваются актуальные проблемы развития многоязычного образования в поликультурной среде и языковая политика Республики Казахстан, основанная на глобальной научной и нормативно-правовой базе.

The phenomenon of “multilingualism” is not new, since the multinationality of the population as a characteristic feature of its composition is inherent in almost all countries of the globe, for many years it remains only a statement of the very fact of its existence, without determining the place and role of multilingualism in the further evolution of societies, developing strategies and tactics for its development. The globalization processes in the world and the unprecedented socio-political and economic transformations in Kazakhstan made it necessary to clarify and rethink the concepts of “multilingualism” and “multilingual personality”, to create a solid theoretical platform for the practical implementation of the cultural project of the Republic of Kazakhstan “The Trinity of Languages”, according to which the mastery of Kazakh as a state language, Russian as the language of interethnic communication and English for successful integration into the global economy is considered a priority language education and foreign language education, in particular.

Multilingualism is a multilateral phenomenon and can be studied in various aspects. Three aspects of his study stand out most clearly: 1) linguistic (sociolinguistic); 2) psychological; 3) pedagogical, requiring the involvement of data from such branches of knowledge as sociolinguistics, the theory of intercultural communication, linguoculturology, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmalinguistics, ethnopsychology, ethnolinguistics, etc [1].